

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Владимир САЗАНОВ

ДВУЕДИНЫЙ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С12

Серия основана в 2004 году
Выпуск 441

Художник
С. Дудин

Сазанов В. В.

С12 Двуетный: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 441 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1333-1

Сын главы дома Крылатого Меча — дома воинов огромной империи — провел всю свою жизнь запертым в родовом поместье. Мать, боявшаяся за психическое здоровье ребенка, оградила его от любых неприятностей. И вот сейчас взрослый юноша оказывается практически один в огромной столице. Свобода манит, и он готов приложить все усилия, чтобы вновь не оказаться запертым в крохотном поместье. Путь выбран. Хладнокровие и умение мыслить будут ему опорой на выбранном пути, а умение пустить кровь противнику станет надежной ступенью на подъеме к вершинам. Женщины, деньги и интересы могущественных семей... Коктейль, пьянящий сильнее вина и опаснее клинка, нацеленного в сердце. Вино можно разбавить, клинок отбить, но от сильных чувств не убежать и от удара в спину не увернуться. Что делать, когда друзья предают, а враги оказываются на твоей стороне? Спор с судьбой будет нелегким, но дорогу осилит идущий.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сазанов В. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012
ISBN 978-5-9922-1333-1

«Велик Первый Император, подаривший нашему миру аристократию. И в мудрости своей разделил он высокородных, дав им четыре титула, дабы последний невежа мог отличить высоких от высочайших.

И назвал Император одних Лу. И дал им честь и гордость, дабы, не имея богатств и владений, служили они примером для низкородженных, среди которых должны ходить.

Другие получили имя Ло. И велено им было стать пастырями низкородженных. Так, управляя лабораториями и мануфактурами, городами и станциями, стали Ло основой империи.

Третьи названы были Ли. И дарована им была власть над законами и ведомствами, областями и провинциями. Стали они разумом империи, ибо лишь разум должен править.

Высочайшими же из всех стали Ла. Они — дух империи. Потому что только дух стоит над разумом, и нет ничего превыше его. Сам Первый Император был лишь одним из Ла».

*(Из трактата Аркастена Симского
«Об аристократии»)*

ПРОЛОГ

— Рада, мы ведь обговаривали это множество раз. — Уголок губ высокого черноволосого мужчины дернулся в раздражении.

— Только почему-то ты ни разу не упомянул о том, что наш малыш должен будет поехать в столицу один. Без слуг, наставников, телохранителей. — Голос женщины дрожал от едва сдерживаемой ярости. Казалось, еще чуть-чуть, и она сорвется на крик.

— А он и не поедет один. — Мужчина казался островком спокойствия в грозящей разразиться семейной буре. — Но мы должны набрать ему новое окружение. В столице ему придется научиться общаться с людьми, а те слуги, которых ты набирала все это время, только добавляют проблем. Они с него пылинки сдувают, ограждая от каждого слова и взгляда.

— Не преувеличивай. У нашего сына хватает общения. Ему всегда есть с кем поговорить. И из наставников, и из сверстников. Я лично следила за тем, чтобы он ни в чем не был ограничен.

— Да-да, я в курсе. Особенно в курсе того, как именно ты их отбирала. Как они сдавали тебе разговорные экзамены и заучивали список тем, которые с ним нельзя обсуждать. Не напомнишь, сколько там страниц в этом списке? Я смирился с тем, что мой старший сын никогда не станет главой дома, но, пока у него есть пусть ничтожнейший шанс возглавить хотя бы наш род, мы должны постараться дать ему все, что только можно.

— Он же может не выдержать. Из-за того проклятого эксперимента он может не выдержать в любой момент. Ты снова готов рисковать его жизнью, Александро? — Женщина внезапно успокоилась. Она пристально вглядывалась в глаза мужа, словно надеясь прочитав что-то в их глубине.

— Я не думаю, что все будет настолько плохо. В конце кон-

цов, его состояние стабилизировалось еще в девять лет, а единственный рецидив был в одиннадцать. Семь лет вполне достаточный срок, чтобы перестать бояться. Кроме того, никто ведь не мешает нам нанять достаточно квалифицированного психолога на должность его личного врача.

— Все-таки и в тебе иногда просыпается голос разума, — вздохнула женщина. — Хорошо, я займусь поиском подходящего специалиста.

— Нет, только не ты. Иначе его будут окружать те же самые люди. — Мужчина вздохнул, и его голос стал чуть мягче. — Пусть людей наберет Ивейна. Или Марианна. Ей будет полезна такая практика. А ты сможешь давать советы. Но только советы. — Мягкость, появившаяся было в его голосе, снова ушла, словно ее и не было.

— Хорошо. Пусть будет так. Я больше не хочу с тобой спорить. — Женщина подошла ближе и уткнулась лицом в грудь мужчины. Он провел рукой по ее волосам. — Я просто боюсь за него. Ты же знаешь. Может, отложим поступление еще на год?

— Ему и так восемнадцать — предел для обычного набора в академию. Его однокурсникам будет по пятнадцать-шестнадцать лет.

— Я могу поговорить с ректором Каласом. Он не откажет. — В голосе женщины прозвучала затаенная надежда.

— Рада, давай не будем начинать сначала. Год отсрочки, тем более такой, только сделает его жизнь тяжелее. Он справится.

— Да, мой главнокомандующий. — Она резким движением смахнула появившуюся было слезинку и попыталась улыбнуться. — Обними меня.

Месяц, вынырнувший из-за набежавшей тучки несколько секунд спустя, увидел в окне особняка только двух взрослых обнимавшихся людей.

ГЛАВА 1

Ла Абель Гнец

Доставившая меня карета тронулась с места и, прогрохотав колесами по мостовой, скрылась за углом. Я остался один на один с ажурными воротами академии. От этой границы начинался ухоженный парк с аккуратно подстриженными кустами и деревьями, сплетающимися в лабиринт, все дорожки которого ведомы, наверное, лишь главному садовнику. Вдали над зеленью парка поднималось множество крыш различных зданий — моя цель на сегодня. Я стоял и смотрел на эту в общем-то обычную картину, не в силах справиться с волнением. Один. Я впервые в жизни остался один. Нет, я, конечно, не настолько наивен, чтобы полагать, будто мать способна меня оставить в полном одиночестве. Наверняка где-то вне пределов моего видения поджидает пара или даже четверка телохранителей, способных устранить угрозу или разобраться с последствиями неприятной ситуации. А в свободное время пишушки доклады на много листов о том, что я сделал и куда пошел. Но совсем рядом не было никого контролирующего мои шаги, готового подать совет, подсказать нужные слова или дать объяснение. Я был волен в поступках и высказываниях. И в выборе направления. Это было странно, восхитительно и немного пугающе. Я мечтал об этой свободе долгие годы, а получив, не представлял, что с нею делать. Не знаю, сколько я так простоял, глядя в одну точку, пока сильный толчок в плечо не вывел меня из этого состояния. В глубине моего разума шевельнулась Диана, посылая волну чувств, среди которых читались раздражение и желание ударить в ответ. Я же просто виновато улыбнулся, как улыбался каждый раз инструкторам, пропуская очередной удар, и повернулся, чтобы увидеть, кто меня толкнул.

— Ты, толстопузая деревенщина, — закричал, нависая надо

мною, широкоплечий мужчина, — прочь с дороги. Смотреть надо, когда заступаешь путь высокородному Ло. Плетей захотел?

— А разве телесные наказания за проступки ниже средней степени тяжести не отменили еще указом от одна тысяча триста восемнадцатого года? — Я был просто ошарашен.

— Ты думаешь, какой-то древний указ может помешать высокородному Ло наказать наглеца? А может, ты думаешь, что имеешь право не кланяться аристократу, раз об этом написано еще в одном указе? Так я тебе объясню, чего стоят твои права, смерд.

Мужчина замахнулся, явно собираясь ударить. Предвкушение схватки, исходящее от Дианы, стало почти осязаемым. Мне даже показалось, что я ощутил, как напрягаются мышцы левой руки.

— Брось, Фан, — раздался голос из-за спины здоровяка. Владелец голоса слова не произносил, а словно презрительно цедил их сквозь зубы. — Успеешь еще проучить деревенщину. Нам надо спешить, ректор ждать не будет.

— Твое счастье, смерд, что господину некогда с тобой возиться.

Громила резко опустил руку и бросился открывать правую створку ворот перед своим господином. Чем их не устроила полностью распахнутая левая створка, было непонятно.

Я некоторое время просто смотрел им вслед, пытаюсь осмыслить происшедшее. Нет, меня не сильно волновали допущенные ими явные нарушения этикета, вроде прикосновений слуги без моего предварительного разрешения, нежелание представляться или хамское обращение низшего к высшему. В конце концов, это была не официальная встреча, а я одет в обычную одежду без знаков различия и принадлежности к определенной семье и дому. Но то, что действующий закон о недопустимости телесных наказаний за действия малой степени тяжести может игнорироваться, или то, что поклоны в сторону аристократа являются не требованием этикета, а обязательной нормой, привело меня в шок. Нет, не самим фактом, а тем, что я об этом ничего не знал. Еще пять минут назад мне казалось, что мои знания этикета и законов если не безупречны, то, по крайней мере, очень хороши. Теперь же я понимал, что все, преподававшееся мне до сих пор, требовало проверки реальной жизнью. Значит, мне придется стать еще более осторож-

ным в высказываниях, чем обычно, и посвящать наблюдению и запоминанию увиденного как можно больше времени. Ну к этому мне не привыкать.

— А к тому, что тебя толкают, тоже не привыкать? — Диана никак не могла успокоиться.

— Это было не больно. Не сравнить ни с чем из того, что делали наставники. — Я мысленно пожал плечами.

— Ага, а то, что он хотел тебя ударить, тоже ерунда?

— Но ведь не ударил же. К тому же за нами наверняка наблюдают те, кого ко мне приставила мать. Я бы не хотел демонстрировать им твои умения.

— Лично я никого не заметила. Может быть, хватит перестраховываться?

— Странно. Кажется, все несколько хуже, чем я думал. Или новые телохранители гораздо лучше скрываются, или для наблюдения используется магия дальновидения. — Я задумался над проблемой слезки.

— Вряд ли хоть что-нибудь из этого. Если, конечно, мама не решила сменить телохранителей на шпионов. Сам понимаешь, такое маловероятно. Скорее всего, охрана еще не прибыла. Или считает академию достаточно безопасным местом, чтобы преследовать тебя еще и здесь.

— Ну-ну. Если это так, то я узнаю о маме много нового.

— Или о папе. — Диана захихикала.

— Ты считаешь, причиной может быть его запрет? Если так, то у меня есть всего лишь несколько дней форы. Нет такого запрета, высказанного отцом, который мать бы не преодолела или не обошла. И я сильно сомневаюсь, что неожиданно смогу узнать об отце нечто новое.

Диана ничего не ответила. Что, впрочем, было нормально — она часто заканчивала разговор, оставляя за мной последнее слово. Вообще-то с научной точки зрения Дианы не существует, она не более чем мое альтер эго, осколок моего собственного разума, отделенный от основного и наделенный некоторыми личностными характеристиками. Типичный признак шизофрении или раздвоения личности, если угодно. Но для меня Диана — единственный друг. Она разговаривала со мной, когда я валялся в детском бреду, а окружающие только бросались непонятными умными словами. Она ехидничала и

хихикала над моими ошибками, когда другие кланялись и восхищались тем, как великолепно у меня все получается. Мы с ней смотрим на мир одними глазами и слушаем одними ушами, но видим и слышим разные вещи. Наверное, поэтому я предпочел в свое время прикинуться таким же, как все. Меня лечили лучшие психи и, судя по их авторитетным заключениям в моей медицинской карте, думают, что вылечили. Я же думаю о том, что они хотели убить Диану и оставить меня в одиночестве, а я не дал им этого сделать. Сумасшествие — вещь весьма относительная. Уж это-то я могу утверждать как специалист.

Усилием воли я запретил своим мыслям скакать с одной ничего не значащей темы на другую. Мой разум пытался оттянуть неизбежное, но ему пришлось вернуться в здесь и сейчас. Я вздохнул и, преодолев свою робость, шагнул на территорию академии.

Гравий дорожек скрипел под ногами. Подстриженные кусты, едва достающие до плеча, абсолютно не мешали обзору. Я знал, куда мне надо было явиться: мать не только трижды объяснила дорогу, но и положила во внутренний карман моего костюма лист с нарисованной на нем подробной схемой. Однако встреча у ворот внесла существенные коррективы в мои планы. Нужна была информация, как можно больше информации. Поэтому я собирался найти кого-нибудь, кто сможет проводить меня к ректору. Кандидатуры двух юных девушек я отменил практически сразу, также как и большую компанию, идущую к воротам. Высокого парня в очках и с раскрытой книгой в руках тоже решил не беспокоить. Преимущественно потому, что сам не любил отрываться от чтения. А вот молодая женщина в черной форме с зелеными и фиолетовыми знаками наставника на рукаве должна была подойти идеально.

— Высокородная, — я совершил церемониальный поклон, — не соблаговолите ли вы потратить на меня несколько минут вашего драгоценного времени?

— Конечно, конечно. — Женщина захихикала, прикрывая рот ладонью. Интересно, что в стандартном обращении к благородной вызвало ее смех? Возможно, применяемые мной нормы этикета архаичны или неуместны?

— Не могли бы вы указать дорогу к ректорату. Или хотя бы подсказать, кто может меня проводить. — Я рискнул отбросить

нормы классического этикета и перейти к обычной разговорной речи.

— Я тебя провожу. Нехорошо отказывать такому любезному юноше. — Она широко улыбнулась.

— Примите мою искреннюю благодарность. Я готов идти по следам ваших ступней. — Черт, опять сорвался на этикет. Ну чего же в нем такого смешного?

Женщина, буквально давясь от смеха, только махнула рукой, зовя меня за собой. Некоторое время мы шли молча. Она пыталась унять смех, а я выжидал удобного момента, перебирая возможные темы для разговора. Выбрать оказалось неожиданно сложно. Не то чтобы я не знал, о чем можно заговорить с женщиной. Разговорные уроки мне преподавались наравне с прочими. Беда была в том, что они внезапно попали под сомнение, так же как и уроки этикета или закона. Я мог опять сказать какую-нибудь глупость и даже не понять этого. К счастью, моя спутница заговорила первой.

— Ты ведь не местный, да? — Она улыбалась, глядя на меня.

— Да, — вздохнул я. — Если честно, я совсем не представляю, как себя вести. Кажется, уроки, которые мне преподавали, не подходят для общения.

— Это уж точно. — Она снова хихикнула. — Так, как ты, ко мне не обращались даже на официальных мероприятиях академии.

— Извините, — пробормотал я.

— Да ничего, это было забавно.

— А вы не могли бы рассказать об академии, — решил я, пока разговор не заикнулся на одних моих ошибках. — Я имею в виду неофициальную информацию. То, что пишут в газетах и информационных листках, я читал.

— Могла бы. Только что конкретно тебя интересует? А то история академии входит в курс общей истории империи и отнимает много часов.

— Ну меня в основном интересует общая форма общения. Мне не хотелось бы вызывать смех окружающих каждой фразой.

— Это совсем просто. Нужно говорить, как мы с тобой сейчас. В академии не приветствуется низкопоклонничество и разделение по статусам. Официально. — Она немного помрачнела.

— А неофициально?

— А неофициально я советую тебе особо не общаться вне своей социальной группы. В академии множество Ло, считающих себя центром вселенной. Они не смогут сделать тебе какую-нибудь пакость открыто, но академия не занимается слежкой за тем, как курсанты проводят свое свободное время. И всегда находится кто-то, желающий отомстить за недостаточно почтительное поведение нижестоящего. Кроме того, здесь обучается несколько Ли, а у них высокомерие в крови. Вот они уже способны доставить более серьезные неприятности, особенно если их цель первокурсник.

— Эти люди вредят вам? — Образ академии, описываемый наставницей, сильно отличался от того, который рисовался в моей голове до этого. Видимо, сегодня день, когда все мои представления о действительности переворачиваются с ног на голову.

— Конечно же нет. Чтобы доставить неприятности наставнику, студентам придется приложить достаточно серьезные усилия. Такое возможно, лишь если преподаватель сам допустил грубейшее нарушение. Но курсанты менее защищены, поэтому я бы рекомендовала не нарываться.

— А почему подобное происходит? — поинтересовался я. Мне как-то иначе представлялась имперская аристократия.

— Потому что им позволяют, почему же еще. — Женщина в раздражении взмахнула рукой. — Если на территории академии ректор Калас еще может как-то пытаться насаждать свои правила, то за ее стенами все возвращается на круги своя. У всех этих высокомерных мальчишек там, за стенами, полно примеров для подражания. Возьмем, к примеру, великого и непревзойденного Александро Гнеца. Как главнокомандующий он, возможно, и хорош, хотя не мне об этом судить. Но вот как образец поведения явно оставляет желать лучшего. Высокомерие, презрительное отношение ко всем, кто ниже него по статусу, то есть ко всем вообще, за исключением императора, и ожидание того, что каждый будет готов выполнять его приказы, рискуя собственной жизнью. Что мы можем ждать от молодежи, если предоставили ей такого кумира. — Она выдохнула воздух сквозь сжатые зубы, успокаиваясь.

Я молчал, обдумывая описанную картину со всех сторон. Надо будет потом пересказать услышанное описание отца Марианне. Пусть посмеется. Сестра, как и мама, всегда могла добиться от отца того, чего хотела. С другой стороны, такой отец

больше вписывался в роль главы дома и имперского главнокомандующего. И неважно, что я привык думать о нем иначе.

— Вот там располагаются малые полигоны. — Я моргнул, внезапно поняв, что слишком задумался, а моя спутница уже давно пришла в себя и устраивает мне невольную экскурсию. — Там курсанты отрабатывают действие собственных заклинаний. Для работы с боевыми артефактами существуют большие полигоны, но они располагаются за городом.

— А разве работа с заклинаниями не опасна? Может, ее стоило тоже вынести за городскую черту, — ляпнул я лишь затем, чтобы показать, как внимательно слушаю.

— Ну что ты. — Она покровительственно улыбнулась. — Мощности личных заклинаний без использования накопителей недостаточно, чтобы пробить установленную на этих полигонах защиту. А за безопасностью курсантов здесь следить значительно проще. Лазарет ближе.

— Так у вас что, бывают ранения на полигонах?

— Бывают. В основном из-за халатности самих курсантов. К счастью, случаи с летальным исходом или даже просто серьезные травмы крайне редки. И только один раз такое произошло из-за неправильно сработавшей защиты.

До этого момента я как-то не задумывался о том, что в академии готовят военных, которые не только убивают, но иногда и умирают. В том числе в процессе обучения. Я собирал информацию, усердно поставляемую моей спутницей, оставив анализ полученных сведений на потом. К моему сожалению, наша экскурсия вскоре закончилась, так как мы подошли к ректорату. Приемная пустовала, что, впрочем, было неудивительно — до начала занятий оставалась еще неделя.

— Привет, Зи, — обратилась моя сопровождающая к секретарю. — Я вот тут привела этого милого юношу. Ему очень надо увидеть ректора.

— Ваше имя, молодой человек? — обратилась ко мне секретарь, невысокая блондинка лет тридцати. — У вас назначена встреча?

— Да, назначена, правда, без указания времени, но я могу и подождать. — Оставалось надеяться, что ждать придется не слишком долго. — Меня зовут Абель. Абель Гнец.

— Добро пожаловать, высокородный Ла, — заулыбалась секретарь. — Господин ректор ожидает вас. — Она плавным движением скользнула к двери и, взявшись за ручку, замерла,

установившись на мою спутницу, внезапно упавшую на одно колено.

— Высокородный Ла, не гневайтесь, мой язык несдержан, как грязная метла, — лепетала молодая наставница, опуская голову к полу. — Я не знала, кто вы. Я говорила неподобающе. Я не думала так. Я виновата. Это было не то, что вы подумали. — Она шептала что-то еще, путаясь в словах, а я только оторопело смотрел, пытаюсь понять, что это на нее нашло. Неужели она так волнуется из-за того, что не поздоровалась подобающим образом? Бред. Но это вообще единственное, в чем ее можно было бы упрекнуть.

— Вы меня извините, — наконец выдал из себя я. — Но не хорошо заставлять ректора ожидать. Подождите меня, пожалуйста. Когда я освобожусь, вы мне все объясните. Хорошо?

— Хорошо, — прошептала она, все еще не поднимая головы.

Вздыхнув, я развернулся и шагнул в кабинет ректора. Массивная дверь распахнулась, направляемая тонкой женской ручкой, прежде чем мой лоб вошел с ней в соприкосновение. И это несмотря на то, что ошарашена секретарь была, пожалуй, посильнее моего. Все-таки профессионал — всегда профессионал.

Лу Мелисанда Факаш, младшая наставница

Молодой Гнец уже скрылся в кабинете ректора, а Мелисанда все никак не могла заставить себя поднять голову. «Идиотка, — думала она. — Что же теперь будет?» В худшем случае он вызовет ее на дуэль и там убьет. Только совсем зеленый новичок может считать, что в схватке между наставником и курсантом преимущества на стороне наставника. Мелисанда новичком не была и отлично понимала, что у преподавателя по магической теории, которым она являлась, против Ла из клана Гнец нет ни единого шанса. Но даже если не дуэль. В лучшем случае ее отстранят от преподавания, а служба безопасности еще долго будет пристально изучать все ее связи и знакомства.

— Ну и что на тебя нашло? — В поле зрения Мелисанды появились носы изящных черных туфелек Зионы. — Ну-ка вставай давай и рассказывай, что это ты тут устроила.

— Я, я плохо отзывалась об его отце. — Мелисанда поднялась с колена и посмотрела на подругу глазами, полными слез.

— Насколько плохо?

— Я называла главнокомандующего высокомерным, наглым и критиковала его действия.

Зиона присвистнула и забарабанила алыми ногтями по поверхности стола.

— Что мне делать, Зи? Он ведь меня убьет. У меня же низший бал по боевым искусствам.

— Так, прекращай ныть. — Зиона всплеснула руками. — Никто тебя убивать не будет. Если бы этот юноша хотел вызвать тебя на дуэль, то он бы сделал это, еще когда ты только открыла свой ротик, чтобы сказать ту гадость, которую произнесла. Так что жить будешь. А вот что делать с остальным, мы сейчас подумаем. Как вы вообще познакомились и почему пришли сюда вдвоем?

— Он выглядел таким забавным. — При этих словах Зиона хмыкнула. — И немного не от мира сего. Ему был нужен гид, и я подумала, почему бы мне не дойти до тебя вместе с этим юношей. Вот и дошла. — Мелисанда снова всхлипнула.

— Кончай реветь, — поморщилась Зиона. — Гид — это хорошо. Значит, так, сейчас ты бежишь умыться, потом берешь мою косметичку и приводишь свое лицо в порядок. Когда мальчик выйдет от ректора, ты уже должна ему мило улыбаться. Мужчины предпочитают видеть улыбающихся девушек, а не растрепанных и красноглазых вроде тебя.

— Какая улыбка, какая косметика? — Мелисанда была на грани истерики. — Зи, ты в своем уме? Он высокородный Ла, а я всего лишь Лу. Да он на меня и смотреть не будет.

— А ты уже замуж за него собралась? Поверь мне, разница в ваших титулах мешает только замужеству. В постели родovitость менее важна. А тебе даже спать с ним необязательно. Полюбишься, поработаешь гидом. И если будешь достаточно мила и полезна, он, глядишь, и плюнет на свои претензии. Не так уж ты и страшно его оскорбила. Идиоту ведь понятно, что ты не всерьез.

— Правда? Ты так думаешь? — В голосе Мелисанды звучала надежда.

— Правда. Ну подумаешь, Сокол лишний раз перетряхнет все твоё грязное белье. Как будто это первая проверка безопасников. Главное, улыбайся и не напоминай парню о причинах своей покладистости. Быстрее забудет. А теперь марш умыться, а то он выйдет, а тебя нет.

Ла Абель Гнец

У ректора я надолго не задержался. Ли Калас меня прекрасно знал, и визит был чистой формальностью. Каждый курсант должен посетить ректорат перед началом занятий, дабы подтвердить свои намерения и получить для ознакомления свод правил академии. На самом деле реальным подтверждением желанья учиться является сумма, переведенная на счет академии, а правила я изучил еще в начале лета, о чем ректору Каласу было прекрасно известно. Но вот положено высокородным Ли и Ла встречаться с ректором лично. Так что мы выпили по чашке чаю, обсудили скорое начало занятий и распрощались.

Как ни странно, но наставница, столь любезно проводившая меня до ректората, ожидала меня в приемной. Я уж думал, что раз она так сильно расстроилась из-за непонятной мне ошибки, то, пользуясь случаем, постарается исчезнуть.

— Я прошу прощения за свое поведение, высокородный Ла. — Она поклонилась. — Если вы позволите, то я бы хотела и дальше быть вашим гидом. Глупость больше не вырвется из моего рта, оскорбляя ваш слух. — Подобные слова в исполнении этой женщины казались такими неожиданными, что я удивленно заморгал. Почему-то вспомнился смех, которым она встречала мои собственные попытки говорить подобным образом, и радость от первого дня свободы вдруг куда-то ушла.

— Благодарю вас, высокородная. — Ответный поклон был столь же глубок, как обращение равного к равной. Это единственное, что я мог сделать, чтобы унять ее непонятный страх. — Но я собирался покинуть стены академии. Вряд ли вы сможете быть моим гидом в городе.

— Позвольте хотя бы проводить вас до ворот, — не желала сдаваться она. Мне оставалось лишь пожать плечами и согласиться.

Беседы у нас не получилось. Нет, она по-прежнему много рассказывала о том, что нас окружало, но все услышанное очень напоминало те информационные листки, которые я читал ранее. Какая-то мысль все время крутилась у меня в голове, что-то связанное с резким изменением ее манеры разговора. И это «что-то» я должен был понять как можно раньше, если не хотел повторения. Отключившись от осознания действительности, я погрузился в воспоминания, листая их, как старую тетрадь в поиске похожей ситуации. И нашел. Разгадка оказалась на удивление проста: список. Список запрещенных

тем, написанный моей матерью. Я, конечно, не думал, что те девятнадцать листов, которые были обязательны к изучению каждым, вступавшим со мной в общение дома, имели хождение и в стенах академии. Способности моей матери к манипулированию людьми огромны, но вряд ли настолько. Что не мешает академии иметь свой собственный список запрещенных тем. Осталось только выяснить, с кем именно нельзя говорить на эти темы. Со мной лично? С представителем семьи Гнец? С высокородным Ла?

Я всплыл из глубин собственного разума, возвращаясь в реальность. Меня приветствовала тишина. Пока я предавался размышлениям, двор академии кончился. Мы стояли у ворот в молчании, поджидая экипаж.

— Господин Абель, — нарушила молчание моя спутница, — я могла бы показать вам город. Если вы не против, конечно. — К концу фразы она почти шептала.

— Хорошо. — Я решил. — Но только с одним условием. Если вы не можете его выполнить, так и скажите. Я постараюсь найти другого гида.

— Какое условие?

Лицо наставницы покраснело. Интересно, у нее со здоровьем все нормально? А то цвет лица резко меняется уже второй раз за сегодня. Впрочем, если бы это было заразно, то ее бы не допустили к преподаванию, так что можно не беспокоиться.

— Вы забудете, кто я такой, и вернетесь к той манере разговора, которой меня приветствовали.

— Но... Это же неправильно. Это...

— Мне жаль, что вы отказались. Но я не смею настаивать.

Я повернулся в ту сторону, с которой доносился стук колес подъезжающего экипажа.

— Я не отказывалась. Просто такое против правил. Вы же сами будете потом недовольны.

— Недоволен? Почему? Я ведь сам предложил. Если вам нужно оправдание перед кем-то, то можете смело на меня ссылаться.

— Я согласна.

Наставница смотрела мне прямо в глаза. Краснота быстро уходила с ее щек. Что-то все-таки не так у нее с лицом.

— Ну вот и ладно. Будем считать, что мы только что познакомились. Меня зовут Абель. Просто Абель.

— А меня Мелисанда...

Гм, да я же за все время так ни разу и не поинтересовался ее именем. Свобода, даже условная, определенно кружит мне голову, заставляя забывать элементарные нормы приличия.

— Очень приятно, Мелисанда. И раз уж вы предложили, то я бы хотел завтра прогуляться по городу. Когда можно за вами заехать? И куда?

— До обеда я занята в академии, а потом могу быть свободна. Приезжайте прямо сюда, я живу вон в том здании. — Она махнула рукой в сторону четырехэтажного серого дома. — Там сдаются квартиры для преподавателей, которые не хотят снимать жилье в городе.

— Хорошо. До завтра, Мелисанда.

— До завтра.

Улыбка по поводу одержанной маленькой победы не сходила с моего лица все время дороги до дома. Я ведь не только кое-что узнал о запретах в академии, но и научился преодолевать некоторые из них. Мелисанда могла стать ценным источником знаний об обыденной жизни. И у меня была еще неделя, чтобы почерпнуть из этого источника.

А пока я ехал в поместье, что на ближайšie четыре года должно стать моим домом. Трехэтажный особняк в центре, купленный у каких-то дальних родственников специально для меня. Подарок по поводу моего поступления, как выразился отец. Это было смешно, учитывая, что для поступления аристократа нужны были только деньги, которые отец же академии и заплатил. Впрочем, я давно привык отвечать на такие шутки серьезным лицом, как и остальные члены моей семьи. Интересно, какой он, мой новый дом?

Микаэла Верат, горничная

То, что поначалу казалось отдыхом в раю, быстро явило свою истинную суть. Как Мика радовалась, когда лорд-командор выбрала ее для выполнения этого задания. Еще бы, изображать горничную высокородного господина, проживая в Солиано, летней имперской столице. Никакого гориллоподобного сержанта, орущего в ухо на рассвете. Никаких марш-бросков по болотам с рюкзаком, вес которого превышает вес самой Мики. Дополнительная премия, увеличивающая зарплату втрое. Питание с той же самой кухни, что и для высокородных. Да ей завидовало все подразделение. А на деле что? Она с самого момента прибытия, то есть уже трое суток, моет и чистит

особняк лишь с небольшими перерывами на еду и сон. Да и Рикка, вторая горничная, только увеличивает раздражение от такого «отдыха». Нет, новая напарница, конечно, не белоручка, но ее физическая подготовка гораздо хуже, из-за чего всю мебель приходится таскать самой Мике. И мало того что этот кошмар грозит затянуться еще на неделю, потому что кроме дома, в котором они практически закончили работу, есть еще и сад вместе с дворовой территорией, так еще и господин должен прибыть со дня на день.

Звук проворачиваемого в замочной скважине ключа ее чуткий слух уловил задолго до того, как витой серебряный браслет на левой руке тихо пискнул условным сигналом, сообщая, что кто-то пересек порог. Поэтому, когда молодой Гнец вошел в холл, его уже встречала с улыбкой молоденькая симпатичная горничная, сложившая вместе ладони на своем — почти чистом — белом передничке. Прошедших нескольких секунд ей хватило не только на то, чтобы занять хорошо видимую от двери позицию, стряхнув по пути лишнюю пыль с передника, но и убрать под косынку выбившиеся волосы.

Пожалуй, если бы Мика встретила господина на улице, а не в холле его собственного дома, то вряд ли бы узнала — настолько разительно было отличие последнего от официального портрета. Горничная предполагала увидеть кого-то похожего на лорд-командора Марианну, только более мужественного. Но реальность вместо этого подсунула ей русоволосого полноватого юношу среднего роста, сероглазого, слегка курносого, с розовыми пухлыми щечками и глуповатой рассеянной улыбкой, делающей щечки еще более пухлыми. На вероятного наследника дома Крылатого Меча и семьи Гнец, в представлении Мики, этот милый хомячок-переросток ну никак не походил. Однако задание есть задание, и потому на лице девушки все эти мысли никак не отразились.

— Господин, я рада приветствовать вас. Меня зовут Мика, я ваша новая горничная. Может быть, господин чего-то хочет?

Вроде бы ничего не забыла. Все-таки трехдневных курсов явно недостаточно для изучения правил поведения служанки, а за все время нахождения в особняке Мике было не до чтения обучающих брошюр.

— Да нет, благодарю, — отозвался юноша. — Разве что ты

мне покажешь мои комнаты. Ну и ванную заодно. А то я только с дороги.

— Конечно, господин. Следуйте за мной.

Мика направилась по лестнице на второй этаж, старательно виляя бедрами. Такой тип походки был достаточно неудобен, но инструктор на трехдневных курсах говорила, что идти так очень важно, когда горничная следует впереди господина.

Оставив Гнеца в его комнатах, Мика отправилась на поиски Рикки. Последняя быстро обнаружилась в холле крутящей головой по сторонам. «Опозда-а-ала», — ехидно подумала Мика, наблюдая за растерянным выражением лица напарницы. Впрочем, долго злорадствовать она не умела.

— Кого-то ищешь? — поинтересовалась Мика, опираясь локтями на перила и слегка наклоняясь вперед.

— Браслет сигнал подал, вот я и подумала, что кто-то пришел. — Рикка устало улыбнулась, наконец заметив девушку.

— Ага, пришел. — Мику так и распирало от желания поделиться последней новостью, но она сдерживалась, растягивая удовольствие. — Господин пришел, — добавила она после долгой паузы.

— И ты молчишь? — Рикка возмущенно уперла руки в бока. — Где он? Куда ты его отвела?

— В его комнаты. Он там как раз ванну принимает.

— Так ему же полотенце нужно. Сейчас. — Рикка быстро метнулась в одну из комнат и вернулась с большим полотенцем. — На вот, отнеси господину. Заодно и спину потрешь.

Мика, взяв полотенце, уже развернулась и сделала первый шаг, но вдруг остановилась. Она медленно повернулась, уставившись на Рикку большими глазами.

— Но ведь он там голый, — еле выдавила из себя девушка.

— Разумеется, голый, — ответила Рикка. — Кто же моется в одежде?

— А ну... А как я буду отдавать полотенце? Он же мужчина. А тут я... — Мика пыталась найти слова, чтобы объяснить напарнице, насколько неправильно все то, что ей предлагается сделать.

— Ну кто-то же должен отнести ему полотенце. Да и спину господину тереть самому себе явно неудобно. Горничные для того и существуют, чтобы все это не приходилось делать самостоятельно.

— А почему я? — все, что смогла возразить Мика.

— Наверное, потому, что именно ты его встретила. И ты проводила в ванную. И именно тебе влетит за отсутствие полотенца. — Рикка даже не скрывала широкой улыбки.

Мике не оставалось ничего другого, как поплестись в сторону комнат молодого Гнеца. Она некоторое время топталась у двери в ванную комнату, слушая шум воды, но мысль о том, что господин закончит мыться и не обнаружит полотенца, заставила ее переступить порог.

— Господин Абель, я принесла вам полотенце. — Мика старательно смотрела на покрытую декоративными панелями стену над головой юноши.

— Спасибо, повесь его на крючок. — Он даже не повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— А... Может, я... Это... Вам потереть спину? — наконец выдавила из себя девушка.

— Нет, спасибо, я привык сам.

— Тогда я пойду? — Горничная едва сдержала вздох облегчения.

— Конечно.

Девушка развернулась и уже схватилась за ручку двери, когда ее догнал вопрос:

— Мика, у тебя со здоровьем все в порядке?

— Д-да. — Вопрос был настолько неожиданным, что она растерялась и застыла, так и держась за ручку.

— Странно, ты уже вторая встреченная мной сегодня девушка, у которой так резко краснеет лицо. Наверное, что-то погодное.

Мика резко выскочила за дверь, уже не заботясь о том, что может прийти в голову господину по поводу такого ее поступка. Она неслась по коридору и твердила себе, что Рикка обязательно ответит ей за все это. Рано или поздно, но ответит.

— Чаю? — Виола Маркстем смотрела, как ее давняя знакомая усаживается в кресло.

— Коньяку. — Марианна Гнец поерзала, устраиваясь поудобнее, и закинула левую ногу на подлокотник.

— А говорят, что ваша семья служит юношам и девушкам примером для подражания.

— Ну вот поскольку там мне приходится служить приме-

ром для подражания, то здесь я хочу коньяка. А если его у тебя нет, то так и скажи, вместо того чтобы выделываться.

— Есть, есть, у меня все есть. — Виола достала из настенного бара полупустую бутылку коньяка и рюмки. — Какие только клиенты не встречаются. Вот и приходится держать. — Она скептически осмотрела рюмки, но на стол их все же поставила. — Ты тут какими судьбами? Опять бесплатная консультация понадобилась?

— А может, я просто решила провести свою давнюю подругу по академии? — Под пристальным взглядом Марианны бутылка сама приподнялась в воздух и, наклонившись по очереди над рюмками, плеснула в них точно отмеренные дозы коньяка.

— Ну да, ври больше, — хмыкнула Виола.

— Или, может, я хотела предложить некой госпоже Марктем работу одним из личных врачей семьи Гнец. Годовой контракт с возможностью продления.

— Дурацкие у тебя шутки. — Виола скептически потыкала пальцем в подвявший лимон, но все-таки занесла над ним нож. — Я ни за что не поверю, что с вашими средствами нельзя нанять кого-то более профессионального, чем скромный практикующий психо почти третьей ступени. Насколько я знаю, на вас работает даже мастер Мирдин, а уж про мастеров четвертой ступени я и заикаться не буду.

— Раз твоя почти третья ступень устраивает клиентов настолько, что ты способна оплачивать аренду этой милой квартирки, то и меня она устроит тоже. Кроме того, меня больше интересуют твои навыки психолога, а не заклинательное искусство. — Марианна опрокинула стопку коньяка в рот и задумчиво уставилась на терзаемый недостаточно острым ножом лимон. — А у более серьезных специалистов начинается перекося в другую сторону. Они слишком привыкают копать в чужих мозгах и несколько теряются, не имея возможности это делать. Мне же нужен психо, способный ориентироваться по внешним признакам. Так как в голову пациента влезть не получится.

— Я вся внимание. — Виола, кое-как справившись с отделением от целого лимона второго ломтика, отложила нож в сторону.

— Да ты пей, пей. Я с тебя немедленной подписи на контракте не требую. Успеешь еще почитать на трезвую голову. —

Марианна усмехнулась. — А работа достаточно проста. Мой горячо любимый младший брат выскользнул из-под маминого крылышка и поехал учиться. Но мамочка настолько боится за его ментальное состояние, что нам нужен психолог, который будет жить с ним в одном доме и писать еженедельные отчеты о том, что все в порядке.

— То есть делать совсем ничего не надо? — Перспективы казались Виоле слишком радужными для того, чтобы быть правдой.

— Надо, разумеется. Видишь ли, мой братец не совсем нормален. По крайней мере, с точки зрения типичного обывателя. И есть опасение, что его ментальное состояние может измениться в худшую сторону. Хотя лично я в это не верю. Нам нужен психолог, который сможет отличить его обычную легкую ненормальность от начинающегося сумасшествия.

— И ты предлагаешь ставить диагноз по внешним признакам? Почему нельзя снимать защиту для регулярных обследований?

— Наверное, потому, что она не снимается, — пожала плечами Марианна.

— Издеваешься? Я что-то не припомню ни одного вида неснимаемой защиты разума. А уж в этом-то вопросе я ориентируюсь прекрасно.

— Неужели? — Улыбка Марианны стала ироничной. — Возможно, тогда ты знакома с термином «хаотичная защита»?

— Знакома. Но это не защита, несмотря на название, а одно из редких проявлений безумия. Выражается в разрушении сознания на отдельные несвязные обрывки. Качественно блокирует попытки работы с сознанием при помощи ментовмешательства. Обладает высокой степенью опасности для психологов, пытающихся работать с объектом. Да, она не снимается. Но лишь потому, что является одним из вариантов безумия. Защитная функция — побочный эффект. Какое это имеет отношение к твоему брату, который, насколько я понимаю, достаточно нормален, чтобы его приняли в учебное заведение?

— Прямое. Мой брат имеет «хаотичную защиту сознания неопределенной степени сложности». Цитирую мастера Мирдина.

— Подожди, подожди. Но такое ведь невозможно. Я, конечно, понимаю, что как специалист Мирдин неизмеримо лучше

меня, но и он мог ошибиться. Существование рационально мыслящего человека с хаотичной защитой просто невозможно.

— Значит, ты сможешь вблизи понаблюдать ходячее опровержение твоей горячо любимой теории. Может, братика и нельзя назвать, как ты выразилась, «рационально мыслящим», но никаких особенных отклонений в его поведении нет. Он просто замкнутый мальчик, немного не от мира сего.

— Немного не от мира сего?! Да одно то, что, обладая хаотичной защитой сознания, он способен связно мыслить, уже делает его уникалом! Если бы он не был высокородным Ла, то множество школ уже дрались бы за право препарировать его сознание.

— Как хорошо, что он родился высокородным Ла. — Марианна все так же широко улыбалась.

— Мм... — Виола осеклась. — Ладно. Я все поняла. Никто от меня ничего не узнает. — Она пару секунд помолчала, а потом тихо добавила: — Я немного погорячилась. Извини.

— Извиняю. — Глаза Марианны смеялись. — Невелика тайна в общем-то. Не для широкой общественности, конечно, но в медицинской карте все записано.

— Фух. Прямо камень с плеч. А то я на пару секунд подумала, что могу и не дожить до завтра. — Виола немного натянуто рассмеялась.

— Это еще одна из причин, по которой я выбрала тебя. Не все могут вовремя остановиться. Ну и напоследок...

— Да?

— Не стоит всем объявлять, что ты психо. В контракте запишем тебя личным медиком господина Абеля Гнеца.

ГЛАВА 2

Ла Абель Гнец

Утро второго дня в Солиано для меня началось рано. Явный избыток нервной энергии заставил меня подняться с постели, когда не было и шести утра. Хотелось прямо сейчас покинуть дом, идти куда-то, где я еще не был, радоваться недоступным ранее ощущениям. Эйфория от свободы захлестывала меня с головой. Пришлось напомнить себе, что допустить ошибку по незнанию легко, а вот последствия у нее могут быть достаточно серьезные, вплоть до возвращения в родовое поме-

стве. В итоге я наслаждался видом прекрасного восхода, разложил вчерашние впечатления по полочкам внутри разума и отправился исследовать место своего проживания. Наличие на первом этаже нескольких запертых дверей, ключи от которых у меня отсутствовали, и незримые паутинки заклятий наблюдения в каждой комнате, включая ванн и туалеты, привело меня в прекрасное расположение духа. Ну в самом деле, не ожидал ведь я мгновенно обрести полную самостоятельность. А подобный умеренный контроль позволял надеяться, что им все и ограничится.

К завтраку, поданному ровно в девять, я вышел, сияя как новенький золотой. Мое настроение, видимо, передалось окружающим: и Рикка, помогавшая мне умываться, и Мика, прислуживающая за столом, встречали меня радостными улыбками.

А на «десерт» были письма. Довольно сложно передать одними словами, как я люблю письма. Подобно старинным рукописным книгам, письма — не просто сгустки информации, запечатленные на белой бумаге при помощи чернил. Они — квинтэссенция чьей-то души, эмоций и желания, легко читаемые в наклоне и обводах букв. По современным печатным книгам никогда не поймешь, о чем думал и чего желал автор. То же самое и с магическими посыльными, переносящими сообщения быстрее ветра. Разве что ментальная связь, возможности пользоваться которой я лишен, может сравниться с этим ощущением прикосновения к чужим эмоциям. По крайней мере, так пишут в книгах. Вообще, в наше время существует три вида передачи посланий. Во-первых, зов, формирующий ментальный контакт между двумя людьми. Любой, владеющий магией на уровне первой ступени и получивший несколько уроков по формированию мыслеобразов, способен отправить зов знакомому человеку. В теории.

На практике это значит, что такой слабый маг может сформировать подобную связь на расстоянии в несколько метров и лишь с человеком в прямой видимости. Хотя действительно сильные маги или психо могут связываться зовом на расстоянии десятков или даже сотен километров. Во-вторых, существуют магические посыльные — заклинание, представляющее собой сгусток телекинетической силы, движущийся по заданному маршруту. Создание такого заклęcia требует владения искусством не ниже третьей ступени и хорошего знания мест-

ности. К тому же оно подвержено влиянию внешних факторов, так что используется лишь для передачи не особо важных сообщений на коротких дистанциях. И в-третьих, мой самый любимый вид отправки посланий — почта. Люди пишут чернилами на бумаге и вкладывают эти листы в конверт. Конверт помещается в почтовый ящик, откуда его забирает посыльный. Затем письма сортируются и отправляются различным транспортом в другие города, где их разносят по указанным адресам. Подобный путь может показаться длинным, но это не так. Вернее, не так в отношении аристократии. Заклятие, нанесенное на мой почтовый ящик, мгновенно сигнализирует на почту о наличии в нем письма, и посыльный является в кратчайшие сроки. Далее письма аристократии сортируются специальным отделом и без всякой перлюстрации отправляются с регулярным курьерским воздушным кораблем. Именно поэтому такой вид обмена посланиями самый распространенный, и почтовые отделения имеются в любом городе империи.

Я смаковал каждое письмо, медленно вскрывая конверт ножом для бумаг, разворачивая и разглаживая сложенные листы, оттягивал начало, чтобы потом на несколько минут погрузиться в черные знаки, начертанные на белой бумаге. Вот приглашение на бал в честь начала учебного года — официальные слова и немного усталая радость той, кто старательно выводила от руки несколько строк, не решаясь доверить это дело типографии. Приветы от дальних родственников, проживающих в Солиано и надеющихся на встречные визиты, — осторожность, любопытство и военная четкость. Письмо от мамы, желающей знать, что у меня все в порядке и что я прибыл на место, — любовь, требовательность и страх. Письмо от моей второй мамы Ивейны, требующей рассказов о столичной моде, — искренность, смех и желание поболтать. И наконец, написанное в официальной манере письмо от Марианны, как всегда прячущей заботу за ехидством или приказным тоном.

Я держал в руках последнее письмо, обдумывая прочитанное и глядя в одну точку. Личный врач и инструктор боевых искусств должны прибыть вскоре после начала занятий в академии. Ну первый еще понятно, но зачем мне второй? Я думал, что попытки сделать из меня «мастера, достойного семьи Гнец» окончательно и бесповоротно закончились еще три года назад. Или все дело в том, что мне придется учиться на

офицера и владения первой ступенью боевых искусств недостаточно?

Закончив размышлять и вернувшись в реальность, я обнаружил, что смотрю прямо на пару загорелых коленок, расположенных ровно посередине между верхним краем белых носочков и нижним краем юбки. Зрелище оказалось столь увлекательно, что им можно было наслаждаться бесконечно, но какой-то странный писк заставил меня моргнуть. Я поднял глаза выше, и мой взгляд, миновав черное платье горничной, прикрытое белым передником, остановился на пунцовом лице Мики. Контраст между ее побагровевшим личиком, алыми ушками, рыжими волосами и белоснежными воротничком и косынкой вызвал во мне странное чувство: мне неожиданно остро захотелось прикоснуться к девушке. Мика вновь издала какой-то полузадушенный писк, и я очнулся окончательно.

— Спасибо за письма. — Я постарался мягко улыбнуться, и, кажется, мне это удалось. — Извини, что задержал тебя. — Ответом был еще один придуренный писк. — Тебе не стоило ждать, пока я дочитаю. Я бываю рассеянным и часто отвлекаюсь. Так что в таких случаях можешь смело привлекать мое внимание или просто заниматься собственными делами.

— Да, господин, — еле слышно пискнула она, старательно отводя взгляд. Цвет ее лица постепенно возвращался к норме.

— Вот и хорошо. — Я встал. — Будь добра, вызови карету к часу дня.

— Да, господин. — Это было произнесено уже почти нормальным голосом.

Помахав Мике рукой с зажатыми в ней письмами, я покинул столовую и отправился в библиотеку. Мне нужно было обдумать множество вещей.

Стеллажи с книгами занимали довольно приличную площадь и могли заставить кого-нибудь постороннего застыть в восхищении. Но я посторонним не был и прекрасно знал истинную цену этому собранию. Невысокую цену. В основном полки заполняли современные широкодоступные печатные книги. Учебники, справочники, даже некоторое количество художественной литературы и газетных подшивок. Такое ощущение, что Марианна просто скупила содержимое пары магазинов исключительно ради того, чтобы полки не пустовали.

Я обошел несколько шкафов и оказался в невидимом от двери закутке. Стол, пара кресел и огромное окно, обеспечива-

ющее освещение в дневное время. Почти как дома. Бросив письма на стол, я опустился в кресло и, вытянув ноги, посмотрел сквозь идеально прозрачное стекло на облака. Раз мне все равно не стоит покидать дом в ближайшую пару часов, то надо хотя бы провести это время с пользой.

Редкие облака медленно пересекали небосвод, появляясь из-за одного края окна, чтобы в конце концов исчезнуть за другим. А я смотрел, смотрел и смотрел, ловя эхо солнечных бликов и выискивая несуществующие изъяны прозрачного стекла. Пока не увидел их: тончайшие прозрачные нити, сплетающиеся в непостоянный узор, плывущий по поверхности окна. Динамическая паутина, сторожевое заклинание высших уровней. А если учесть, что окутывает она наверняка весь особняк, то ставил ее мастер пятой ступени. Даже интересно, кто именно из великих здесь работал? Впрочем, мне сейчас не до того: особое состояние зрения, позволяющее мне видеть столь тонкие нити, долго не продлится. Изменение условий среды, малейшее отвлечение — и зрение снова станет обычным. Шесть лет практически ежедневных тренировок, а состояние, достигаемое лишь за несколько минут фокусировки взгляда, исчезает столь легко. Наверное, именно поэтому подобным умением владеют единицы.

Я встал и пошел вдоль полок. Тонкие, невидимые обычным зрением нити плавали по комнате, перекрывая почти каждый проход и оплетая большинство стеллажей. Это, конечно, уже обычная сигнальная паутина, а не то произведение искусства, которое оплетает дом снаружи, но все же. Когда-то давно я, как и большинство магов, пользовался заклятием магического зрения, даже не догадываясь о том, что действие подобных вещей построено на тонком излучении и его анализе. Любое активное заклятие возбуждает нити сигнальной сети. Конечно, нужен истинный мастер, чтобы по подобному легкому воздействию составить приемлемую картину произошедшего, но у нашей семьи недостатка в специалистах никогда не было. Мне потребовалось два года и одно случайное озарение, чтобы понять, как именно мать узнает некоторые мои маленькие тайны.

Позволив части нитей касаться меня, я прошел по комнате. Постоял возле дальних стеллажей, изучая корешки книг, снял с полок несколько учебников и наконец, избегая вездесущей паутины, направился к тем книгам, которые мне были действительно нужны. Изучив тома на предмет немагических возмож-

ностей заметить мой интерес, вроде потревоженной пыли на полках, аккуратно извлек их и добавил к уже удерживаемой мной стопке. После чего вернулся за стол. Все эти действия могли кому-то показаться перестраховкой или даже проявлением параноидального синдрома, но не стоило недооценивать мою маму и ее желание вылечить меня во что бы то ни стало. То, что я могу быть не болен или не согласен с ее мнением, в расчет не принималось.

Следующие полтора часа были потрачены на создание магических печатей и внедрение их в книги. Прежде чем приступать к каким-либо действиям, необходимо выяснить, чем именно занимаются горничные во время моего отсутствия в доме. Но не задавать же такой вопрос напрямую. Так что мне нужна была собственная следящая сеть. И я ее создавал. Мои печати несут в себе минимум энергии и настолько пассивны, что обнаружить их, не открыв книгу, невозможно. Сами по себе они ни на что не способны, но когда за них будут цепляться нити сторожевой паутины (а они будут цепляться, не зря же я так тщательно выбирал книги), то эти заклęcia сыграют роль маленьких паучков, собирающих для меня информацию. Фактически я становился еще одним хозяином внутридомовой сигнальной сети. Осталось разбросать еще некоторое количество подобных печатей по дому, чтобы я всегда был в курсе перемещений обитателей и гостей особняка. После этого надо будет незаметно подключиться к заклęciaм наблюдения в комнатах и по возможности добавить к ним несколько собственных следящих заклęcia. Оставалось надеяться, что я успею все выполнить в течение недели. Работать, когда в доме появятся два новых жильца, станет сложнее.

— Господин Абель... — В библиотеку зашла Рикка и, судя по звуку шагов, направлялась к моему столу. — Карета прибыла.

— Спасибо, Рикка. Я уже иду. — Я встал навстречу горничной, даже не пытаясь заслонить стол. Благодаря привычке возвращать подозрительные книги на место сразу на нем лежало лишь несколько учебников. Я не знал, для кого из моей семьи шпионит эта милая девушка, но не собирался давать ей лишний шанс.

— Не спешите. Кучер будет ждать столько, сколько вам потребуется. — Она улыбнулась и легким движением поправила рукой прядку волос, нависшую над ее левым глазом. Какое-то странное чувство восхищения посетило меня, заставив сердце

забиться сильнее. Я не понял, было ли это естественной реакцией моего организма или следствием некоего внешнего воздействия, но удержать на лице обычную рассеянную улыбку оказалось невероятно сложно.

Через десять минут я уже ехал в карете, размышляя о том, насколько смогу доверять новому доктору. Меня беспокоило собственное восприятие вроде бы невинных действий горничных. Подобное случалось со мной и раньше, но всего несколько раз. Хуже всего было то, что я не понимал, имеет ли такое поведение отношение к моему «ментальному расстройству» и соответственно насколько безопасно быть откровенным. Ведь почти наверняка новый личный доктор получает золото из того же кармана, что и предыдущий. Впрочем, меня ждала прогулка по городу, а все остальное можно было и отложить.

Лу Мелисанда Факаш, младшая наставница

Прогулка оказалась неожиданно приятной. Еще вчера Мелисанда думала, что ей придется, изображая из себя экскурсовода, таскаться по городу от дворца до храма Совершенства с обязательным посещением музея Битв, пройти мимо которого, похоже, не способен ни один мужчина, принадлежащий дому Крылатого Меча. Однако юноша ее удивил. От посещения дворца и музея он просто отказался, а посещение храма предложил перенести на другой день. В итоге они провели четыре часа, бродя по улицам, сидя в кафе и беседуя об архитектуре Солиано.

Еще лет двести назад был принят закон, ограничивающий высоту столичных построек четырмя этажами, за исключением дворца и стратегических сооружений. Тот же закон обязывал соблюдать «красоту и чистоту внешнего вида зданий» под угрозой серьезных штрафов. Чуть позже утвержденное законом переросло в моду, и даже самые простые постройки обзавелись карнизами, барельефами, лепниной и прочими архитектурными излишествами. Ныне не украшенные ничем дома можно встретить лишь на дальней окраине — даже бойницы в городском арсенале имеют фигурные вырезы, а ангары для летающих кораблей «охраняют» статуи древних воинов. Про чистоту и упоминать не стоило: специальная бригада занимается мытьем общественных улиц и зданий, принадлежащих городу, в то время как об остальных постройках заботятся их хозяева. Солиано совсем не зря считался самым чистым городом

империи. Это был ее город, место, в котором она жила, и Мелисанда рассказывала обо всем этом с затаенной гордостью.

Впрочем, где-то к концу третьего часа они перешли от архитектуры к обсуждению использования заклятий для работы фортификационных сооружений. И вот тогда Мелли понесло. Магия была ее страстью, и, увлекшись спором, она полностью забыла о разнице в положении между собой и оппонентом. Он поражал ее своим невежеством и одновременно своей осведомленностью. Он не знал элементарных вещей, но свободно оперировал терминами высшей магии и ссылался на неизвестные самой Мелисанде теории. Складывалось такое ощущение, что его совсем не учили, вместо этого запирая в хранилище с уровнем допуска «совершенно секретно».

— Ну как можно быть таким идиотом. — Мелли почти кричала, размахивая руками. — Даже если тебе удастся протолкнуть подобную конструкцию внутрь ячеистого купола, не потревожив его, что уже само по себе бред, то это все равно ничего не даст. Заклятие будет настолько истощено, что никакого вреда причинить не сможет. Максимум, на что ему хватит сил, — связаться с другим заклятием. Причем исключительно на той стороне щита.

— А нам большего и не надо. — Абель улыбался, что раздражало ее еще сильнее. — Мы можем таким образом переслать несколько заклятий и заставить их соединиться в одно, уже вполне работоспособное.

— А ты представляешь, сколько потребуется энергии на такой комплекс заклятий? Не говоря уже о времени, необходимом на воспроизведение как минимум десятка различных, но способных к совместной работе структур. Да защиту подобного рода можно разбить с половиной имеющейся энергии и на порядок меньшими затратами времени. И ты все еще называешь подобную идею разумной? Ну же, ответь мне, господин гений. — Мелли уперла руки в бока, победно уставившись на юношу.

— Я согласен с твоими доводами, но...

— Какое еще «но»? — чуть не задохнулась от возмущения Мелисанда.

— Обычное «но». — Абель пожал плечами. — Иногда нужно не сломать защиту, привлекая к себе внимание, а просто что-то сделать. Скрытно. Вот в этом случае мой метод и должен помочь. Несмотря на то что он достаточно долгий и энергоемкий.

— Ну допустим, — начала медленно остывать Мелисанда. — Все равно, на мой взгляд, метод работать не будет, так как подобное заклятие просто не пройдет щит.

— Мы можем это проверить на практике. Тогда и вопросов больше не будет.

— Хочешь поспорить? — прищурилась Мелли. У нее появилась одна заманчивая идея.

— А на что?

— Как на что? Настоящий спор имеет только одну ставку — желание. — Только бы согласился. Все равно его идея не рабочая. Не с такими пробелами в образовании.

— Интересно, — пробормотал Абель. Он застыл на несколько секунд, словно что-то обдумывая. — Я согласен.

— Договорились! — Мелли ликовала. — Как только начнутся занятия, я смогу зарезервировать полигон. Так что не пройдет и двух недель, как мы узнаем, кто был прав! — Она широко улыбнулась, уже предвкушая победу.

— Две недели? — В голосе Абеля послышалось разочарование. — Слишком долго. Давай проверим сейчас.

— И где мы это сделаем? Полигоны закрыты.

— Ну и что? Да полным-полно домов, прикрытых подобными щитами. Поехали, я знаю, где можно попробовать.

Мелисанде резко стало плохо. Она внезапно вспомнила, с кем спорила все это время. И заодно о возможных последствиях подобного поступка. «Ну что, влипла, дуреха?» — задала она себе риторический вопрос. Это Ла может атаковать защитный купол какого-нибудь поместья, а потом просто извиниться перед хозяевами и службой безопасности Солиано. Впрочем, если его фамилия Гнец и он является вероятным наследником дома Крылатого Меча, то наверняка даже просить прощения не придется. Служба безопасности, четыре из пяти сотрудников которой принадлежат к тому же дому, не рискнет беспокоить столь важного человека по такому ничтожному поводу. А вот для некой Лу Мелисанды подобный поступок в лучшем случае закончится увольнением, а в худшем — тюрьмой.

— Мм, Абель. — Мелли понимала, что действовать надо очень осторожно. — Возможно, не стоит так торопить события. Эксперимент затянется на несколько часов. Мне бы не хотелось возвращаться домой так поздно.

— Да ладно тебе. — Юноше идея, наоборот, очень понравилась. — Поедем. Мы не будем делать все до конца. Нам ведь

хватит и пары заклятий, чтобы понять, кто был прав. Потратим максимум час.

— Ты знаешь, я очень устала. И у меня подкашиваются ноги. — Последнее было чистой правдой. Пусть даже причиной была не усталость, а банальный страх, охватывающий Мелисанду все сильнее и сильнее.

— О, извини. — Молодой Гнец смутился. — Моя вина. Но тем более мы должны поехать. Там в саду есть несколько кресел. Ты сможешь отдохнуть. А я сам все сделаю.

— Где — там? — Мелисанда растерялась, потеряв нить разговора.

— У меня в саду. В нем еще не до конца прибрано, но все равно уютно. И купол прямо в нескольких шагах.

— Ты что же, предлагал ломать твою собственную защиту? — Мелли была ошарашена.

— Ну да. А чью же еще? Договариваться с владельцами других куполов долго. А если не договариваться, то наши действия будут нарушением закона.

— А-а-а-а, — протянула девушка. — Тогда поехали, конечно.

Внезапно накотившее облегчение было столь велико, что переставшие дрожать ноги подкосились, и Мелисанда начала падать. Абель быстро шагнул вперед и подхватил оседающую девушку. Мелли постояла несколько секунд, чувствуя дыхание юноши у своего левого уха, и, убедившись, что ноги ее держат, мягко высвободилась. На юношу она старалась не смотреть.

— Мелисанда, — тот заговорил первым, — а почему у тебя лицо такого цвета?

— Это от жары, наверное. Да, точно, от жары. — Что-то надо было срочно сказать. Чем-то отвлечь его. Не дать говорить о ее полыхающих щеках. — Давай поедem уже. У тебя в саду, наверное, тень, да и ноги вытянуть можно. О, вон и карета. — Обнаружив свободный экипаж, Мелли быстро зашагала в ту сторону. Все, что угодно, лишь бы не поворачиваться к Абелю лицом.

Ла Абель Гнец

Последняя мягко светящаяся голубым линия заняла свое место в узоре. Осталось лишь расставить направляющие знаки и выпустить заклятия. Я покосился на сидящую в плетеном кресле и наблюдающую за моей работой Мелисанду. Похоже,

она наконец заинтересовалась. Большую часть нашего пути в карете Мелли сильно напоминала мою вторую маму Ивейну, болтая без умолка и перескакивая с темы на тему. Более-менее угомонила она только к концу поездки.

В сад пробрались через вход в задней оgrade. Ради чистоты эксперимента мы с Мелисандой приняли решение не беспокоить горничных. По той же причине пока обошлись без еды и напитков, благо перекусить в кафе нам удалось весьма плотно. Так что я усадил Мелли в кресло, а сам принялся чертить узор заклятий.

— Все готово. — Я с улыбкой повернулся к Мелисанде. — Можешь проверять.

— И проверю. — Она встала, подошла поближе и, присев на корточки, принялась изучать узор заклятий. — Вроде все нормально, — выдала она свой вердикт после минуты созерцания.

— Ну так запускай.

— Я?

— Конечно, ты. Для чистоты эксперимента. Я ведь могу хорошо знать всю защиту дома.

— А если охранные системы сработают? Мне не хочется стать горсткой пепла... — Мелли поежилась.

— Не волнуйся, самостоятельно активирующихся боевых заклятий в защите нет. Так что ничего тебе не грозит.

— Ну если ты так говоришь... — В голосе Мелисанды явно слышалось сомнение.

— Хочешь, я постою рядом?

В ответ она только кивнула.

Мне было на что посмотреть. Мелисанда разместила управляющие знаки несколькими небрежными движениями. А потом метнула заклятия одно за другим в незримый купол, накрывающий всю территорию поместья. Игла энергии ударила в край одной из ячеек сотоподобного купола, соскользнула к центру этой ячейки и, проколов ту в одном из самых тонких мест, вышла с противоположной стороны. Второе заклятие проделало то же самое и, оказавшись на другой стороне, слилось с первым. Обрадоваться я не успел. Связанный с защитой поместья витой браслет на моей левой руке задергался, сообщая о нарушении периметра. Я, поморщившись, посмотрел на него и замер. Горящие на браслете зеленые буквы сообщали о включении сигнальной сети из-за обнаружения избыточного магического фона. Это что получается? Сигнальная паутина,

реагирующая на близость энергии, натянута прямо на защитный купол. С таким я раньше не сталкивался. С другой стороны, а чего я ждал? Что моя родня, используя для создания магической защиты труд мастера пятой ступени, ограничится стандартными щитами? Да если мою маму допустили хотя бы посмотреть на проект заклятий, то я вполне могу оказаться обладателем самого защищенного объекта в Солиано. Ну за исключением дворца. Я вовсе не преувеличивал. Учитывая возможность эксплуатировать лучших военных магов и параноидальную заботу мамы о своем любимом сыночке, единственное, что отделяло меня от обитания в сильнейшей крепости мира, — небольшие сроки, выделенные на работу.

— Ты выиграл, — вздохнула Мелисанда, и ее плечи как-то поникли. — Чего пожелаешь?

— А? — Я настолько увлекся обдумыванием новой защиты, что смысл ее слов не сразу дошел до меня. — А, да. Точно. Можно я потом придумаю?

— Можно, — снова вздохнула Мелисанда.

Браслет на руке снова задергался, на этот раз сообщая о переводе защитных заклятий дома в активное состояние.

— Похоже, мы переусердствовали, — сказал я Мелисанде. — Пойдем в дом, пока мои горничные службу безопасности не вызвали.

Девушка в ответ только кивнула.

Моя прислуга приняла наши невинные эксперименты слишком близко к сердцу. Окна и двери закрыли броневые листы. Активированный пламенный щит окутал весь особняк, ожидая малейшего прикосновения, чтобы спалить нарушителя. Я постучал по браслету, подавая сигнал о своем присутствии. Щит тут же погас, лист брони убрался от двери обратно в стену. Дверь открылась.

— Добро пожаловать домой, господин Абель, — донеслось с той стороны дверного проема.

— И тебе доброго вечера, Рикка. По какому поводу война? — Я шагнул через порог. Мелисанда держалась сразу за моей спиной, едва не наступая на пятки.

— Сигнальный периметр поместья уловил энергетическое воздействие непонятого назначения. Мы обнаружили нарушителей и захватили их. Однако они могут быть не единственными, — бодро отрапортовала горничная, сжимающая в руках многофункциональный боевой жезл. А она, оказывается, маг.

— Эмм, Рикка... — Я немного растерялся. — Вообще-то это я проводил один эксперимент. Кого вы там захватили?

— Вы? Но... — Горничная тоже растерялась. Хотя тут же взяла себя в руки. — Возможно, случившееся и совпадение, но захваченные могут быть диверсантами. Они оснащены военными амулетами последнего образца и оружием, созданным явно по индивидуальному заказу.

— О, Совершенство, — выругался я, уже предчувствуя грядущие проблемы. — Где они и что с ними?

— В гостиной. У нас не было времени доставить их в подвал. Я их только парализующим заклятием атаковала. Так что с ними должно быть все в порядке. Ну почти...

— Почти?

— Да. Мужчина сразу не упал. Пришлось ударить по нему еще двумя ошеломляющими заклятиями. Ментальными. — При последних словах Рикка опустила глаза. Последнее было явным перебором, и она сама это поняла. Если плененные люди окажутся не диверсантами, то горничную могут ожидать неприятности.

— Так, ладно. Вызови целителя. Я пойду посмотрю, кого вы там захватили.

Мы с Мелисандой прошли в гостиную. Учитывая все, что она уже видела и слышала, скрывать дальнейшее смысла не было. «Диверсантами» оказалась девушка лет пятнадцати и парень примерно моего возраста. Они полулежали в креслах. Мика стояла рядом с ними по стойке «смирно», поедая меня глазами.

— Ну и что тут у нас? — задал я риторический вопрос.

— Вот, — дала мне содержательный ответ Мика и зашаркала ножкой. Я опустил взгляд и успел заметить край наручников, заталкиваемых этим движением под диван.

— Мелисанда, ты сможешь оказать им первую помощь? Заклятие парализации уже снято, надо только избавить их от головной боли и привести в чувство. Желательно именно в таком порядке.

— Могу, — как-то неуверенно пробормотала девушка. — Если это все, что нужно сделать. Я незнакома с последствиями подобных мощных заклинаний.

— Не волнуйся. Я знаком. Попадал пару раз. Так что никаких особенных последствий.

— Ну если ты так говоришь, — неуверенно протянула Мелисанда, но заклятие составлять начала.

Ли Кристофер Денова

Кристофер медленно приходил в себя. Во рту было сухо. Последнее, что он помнил, было сковывающее заклятие большой мощности. Защитный амулет не выдержал. Крис еще пытался бороться, перераспределив потоки внутренней энергии, как учил его мастер боевых искусств, но тут его настигло новое заклятие. Он только успел увидеть, как упала сестра. Сомнений не осталось — их захватили.

Крис открыл глаза, и его взгляд сразу наткнулся на протянутый ему стакан воды.

— Вот, возьмите, пожалуйста. Вам ведь наверняка хочется пить, — произнесла рыженькая девушка в одежде горничной.

Кристофер принял стакан и сделал несколько больших глотков. Он окинул взглядом помещение, пытаясь понять, где находится. Комната была похожа на обычную гостиную, что внушало надежду. Еще большую надежду давало отсутствие каких-либо ограничителей, вроде цепей или веревок. А вид сидящей в соседнем кресле и явно невредимой сестры вызывал едва ли не радость. Все это позволяло думать, что похитители люди вполне приличные, и с ними вполне можно договориться. Жаль только, что договариваться за них будет кто-то другой.

Ну какого демона, спрашивается, он вообще полез к чужому дому? Еще и вместе с сестрой, которую должен был оберегать. Защита, видите ли, заинтересовала — прямо как у военного объекта. А о том, что неразумно рассматривать вблизи подобный особняк, даже если тот расположен прямо в центре летней столицы, он и не подумал. Правильно Пауль говорит, учиться ему еще и учиться, прежде чем настоящим воином станет. Кристофер тяжело вздохнул.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался сидящий напротив него полноватый молодой человек.

— Спасибо, неплохо. — Крис решил, что раз уж им ничего страшного не грозит, то немного вежливости не помешает.

— Меня зовут Абель Гнец, — представился юноша. — Я хотел бы принести вам свои искренние извинения.

В этот момент Кристофер понял, что они уже практически мертвы. Абель Гнец. Наследник самого главнокомандующего.

Гнецы и Денова боролись за власть над домом Крылатого Меча поколениями, но вторые всегда уступали первым в искусстве интриги. Глупо ждать милосердия от своего извечного врага. Если уж этот Абель решился на их захват, то планы у него явно далекоидущие. Не будь рядом сестры, Кристофер бы попробовал разменять свою жизнь на жизнь врага, но... Внезапно что-то в словах продолжавшего говорить Гнеца царапнуло слух Криса.

— Простите, что вы сказали? — Молодой Денова пытался понять, что его зацепило.

— Я сказал, что после общения с целителем лично провожу вас до дома.

— Вы нас что, отпускаете? — Кристофер не верил, что Гнец смог договориться со старшим Денова в столь короткий срок.

— Ну я же вам говорил, что произошло недоразумение. — Абель развел руками.

— Ничего себе недоразумение, — удивился Кристофер.

— Да мой брат просто прослушал все, что ты ему тут рассказывал, — влезла в разговор Кристина. — Братик, последние пять минут Абель только и делал, что извинялся перед тобой, пока ты сверлил его сердитым взглядом. Так что давайте, мальчишки, пожмите друг другу руки и помиритесь.

— О каком мире ты говоришь? — Кристофер возмущенно уставился на сестру. — Он же нас похитил. Понимаешь? Похитил.

— Я-то все понимаю, в отличие от неких твердолобых. — Кристина фыркнула. — Тебе уже три раза сказали, что случайно приняли нас за нарушителей. И не меньше десяти, что просят прощения. А до тебя все не доходит.

— Эмм... — Кристофер помотал головой, пытаясь понять, что вообще происходит. — Ла Абель, это действительно так? Вы приняли нас за нарушителей?

— Да, — вздохнул Гнец.

— Но это же бред. — Услышанное никак не хотело укладываться в голове Криса. — Мы ведь ни на гран не похожи на диверсантов.

— Моя излишне бдительная охрана решила иначе, — вздохнул Гнец. — Надеюсь, вы все же примете мои извинения.

— Да, конечно. — Сказать, что Кристофер был ошарашен, значит не сказать ничего.

— Прекрасно, — подытожил Гнец. — Может быть, вы согла-

ситесь поужинать у меня? Все равно целитель пока еще не был.

— Конечно, согласимся, — опередила брата Кристина.

— С кем они проводят время? — Сообщение было настолько шокирующим, что Рональд Денова решил, будто услышался.

— С Абелем Гнецем. — Реван, глава службы безопасности семьи Денова, был совершенно спокоен. Возможно, потому, что он узнал новость еще несколько часов назад и имел более чем достаточно времени, чтобы взять себя в руки.

— Есть информация о том, как они сошлись? Мне слабо представляется, что у моего Кристофера и слабоумного сына Александро может найтись нечто общее.

— Вы преувеличиваете, господин, он не слабоумный. Рассеянный и немного странный, но никак не слабоумный.

— Твои люди наблюдают за ними?

— Пока да. Но я сильно сомневаюсь в эффективности их работы. Они не только не смогли выяснить, как молодые господа сошлись с Абелем, но и не обнаружили ни одного из агентов Гнецев.

— Ты думаешь, их вычислили?

— Возможно. Но даже если нет, я предпочитаю перестраховаться.

— Разумно. Возьми лучших. Я не знаю, что задумал Александро, но хочу это знать. Считай это направление деятельности приоритетным. И не сообщай службе безопасности академии о своих агентах.

— Достаточно рискованно. — Реван нахмурился. — Сокол может решить, что мы работаем против него.

— Я больше опасаясь того, что это может быть правдой.

— Господин, вы думаете, что Сокол действует совместно с главнокомандующим против нас?

— Все может быть. Наши позиции сильны как никогда. Нам не скинуть Александро — его авторитет слишком велик. Но вот у детей главнокомандующего есть только один шанс занять его место — если мы сами откажемся от борьбы за место главы. И союз с Соколом вполне очевиден. Не забывай, что именно при Александро тот поднялся настолько, что смог войти в совет дома.

— Разумно. Конечно, репутация Сокола безупречна, но если рисковать ею, то только ради подобного преимущества.

— Именно так. И в таком свете присутствие в академии Абеля вполне логично. У Александро нет других лишних детей.

— Господин, вы считаете Абеля разменной монетой? Нам, конечно, стоит рассмотреть все варианты, но, на мой взгляд, подобное маловероятно. Главнокомандующий много лет опекал его. Вряд ли лишь для того, чтобы однажды выбросить в одной из своих интриг. — Понятия чести и кровного родства в семье Денова были священны. Настолько, что даже начальнику службы безопасности приходилось убеждать себя в возможности иного отношения к ним.

— Я подобного и не говорил, Реван. — Рональд поморщился. — Просто подумай о том, что, поскольку Александро приходится рисковать одним из своих детей, он постарается использовать наименее нужного. Абеля.

— Да. Логично. Я думаю, что мы бы поступили так же.

— Надеюсь, что нет. Мне неприятна сама мысль платить за трон владыки дома жизнями своих детей.

— Я с вами полностью согласен, господин. Лучше, если это будут чужие дети.

— Это не лучшая твоя шутка, Реван. Но суть ты ухватил верно. Так что добавь к уже находящимся в столице людям пару ликвидаторов. На тот случай, если нам придется-таки оплачивать трон.

Реван склонил голову в поклоне, демонстрируя, что он все понял.

ГЛАВА 3

Ла Абель Гнец

Я пристально наблюдал за девчонкой лет десяти — двенадцати, бегающей среди деревьев со своей еще более юной подружкой. Девочка была в коротком летнем платье, подол которого постоянно взлетал вверх, обнажая ноги почти полностью. Она раскраснелась от бега и постоянно смеялась. Нет, опять не то.

Я скопил глаза на своих спутников, но они явно не обращали на меня внимания. Мелли с Кристиной уже добрых полчаса обсуждали последнюю столичную моду, втянув в свой спор и

Кристофера в качестве эксперта и ценителя разных женских штучек. За прошедшую со времени нашего знакомства неделю мы сдружились, встречаясь практически ежедневно. Я и двое Денова не имели в столице знакомых своего возраста, а Мелисанда растеряла всех подруг, разъехавшихся по домам после окончания учебы или вышедших замуж. В итоге мы проводили вместе по несколько часов в день, гуляя по городу или сидя за столиком в городском парке. Как сейчас. Мелисанда много рассказывала о столице и академии, а все остальные с удовольствием слушали. Впрочем, иногда у нас случались и такие споры, как этот, когда двое или трое увлеченно обсуждали какую-то тему, а оставшиеся откровенно скучали, не понимая смысла дискуссии. Обычно темой подобных бурных дебатов была магия, о которой мы с Мелли могли говорить часами. Но сегодня была явно не моя очередь, и я вновь отвернулся от спорщиков.

Меня все сильнее и сильнее беспокоила моя собственная реакция на женщин. То у меня начинало быстрее биться сердце, то прошибал холодный пот, но чаще всего возникали какие-то желания, явно не вписывающиеся в рамки обычного поведения, вроде стремления прикоснуться или ощутить аромат волос. Причем количество объектов, на которые я реагировал подобным образом, явно возрастало. Сначала были только горничные, потом к ним присоединилась Мелли, а вчера я застыл, глядя на открытую шею какой-то незнакомой смеющейся женщины. Но хуже всего то, что я не мог выявить закономерностей в своем восприятии. Вот взять, к примеру, вон ту играющую девочку. На первый взгляд все атрибуты, которые должны вызывать у меня волнение, присутствуют: обнаженные колени и шея, смех, покрасневшая кожа на лице. И ничего. Мой организм никак на нее не реагирует. Может, это из-за нашей разницы в возрасте? Вряд ли. У нас с Мелли разница примерно такая же. Или все дело в том, что девочка еще не вошла в детородный возраст? Возможно. Но тогда почему подобных реакций не вызывает Кристина? Из-за того, что предпочитает юбкам брюки, и я не могу видеть ее колени? А это мысль. Надо будет попросить ее как-нибудь показать колени — в исследовательских целях. Или лучше ноги полностью.

— Абель, чего ты так поглядываешь то на Крис, то на вон ту девочку? — оторвал меня от размышлений Кристофер.

— Провожу сравнительный анализ, — пожал я плечами.

Кристина начала краснеть, а Мелли оглянулась, пытаясь понять о какой девчонке речь.

— Судя по количеству взглядов, сравнительный анализ закончился не в пользу моей сестры. — Кристофер засмеялся. — Крис, видимо, старовата для тебя.

— Заткнись. — Кристина пнула брата, но тот не прекратил смеяться. — Дурак.

— Интересно, как ты с Мелли сошелся, с такими-то пристрастиями? — продолжал выступать Кристофер.

— Она прекрасный рассказчик. — Мне было понятно, что он шутит, но как полагается отвечать в таких случаях, я представлял еще плохо.

— Только рассказчик? — поинтересовался он, мерзко похихкивая.

— Кристофер! — А вот Мелли поднятая тема, похоже, неприятна. Интересно почему?

— Нет, не только. Но перечисление ее достоинств займет слишком много времени, поэтому я ограничился первым пришедшим мне в голову. — Разговор нужно было как-то сгладить. Надеюсь, что такое уточнение успокоит Мелисанду.

Кристина снова пнула брата. Тот замолчал и только хихикал, поглядывая искоса на сестру. Мелли же уставилась на меня, как будто увидела первый раз.

— Что? — Я приподнял брови, адресуя ей этот расплывчатый вопрос.

— Нет, ничего. — Мелисанда отвела глаза.

— Абель, спаси меня от этой буйной. — Кристофер, уклоняясь от попыток сестры ударить его ногой по голени, уже добрался до меня вместе со стулом, на котором сидел.

— Нет. Я читал, что влезать в семейные разборки между мужчиной и женщиной — один из способов самоубийства.

В ответ на мою реплику Мелли вдруг засмеялась, прикрывая рот ладонью.

— Написано было явно не про брата с сестрой, — буркнула Кристина. Но пытаться достать брата перестала. — И вообще, он мне должен.

— За что? — удивился Кристофер.

— За то, что я иду на бал курсантов одна. Представляете, этот негодяй уже успел познакомиться где-то с девушкой и пригласить ее на бал. А я буду одна. Даже без сопровождающего родственника.